

УДК 159.9.019

ПРЕДТЕЧИ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ПСИХОЛОГИИ: П.А. ФЛОРЕНСКИЙ

Н.И. Нелюбин^а

^а Омский государственный педагогический университет, 644099, Россия, Омск, Набережная им. Тухачевского, д. 14

Продолжен анализ концептуальных истоков постнеклассического мышления в отечественной психологии. В качестве предмета осмысления выступают идеи П.А. Флоренского, позволяющие, с точки зрения автора, существенно обогатить концептосферу системной антропологической психологии. Раскрывается феноменология первичных, неформализованных интенций мышления, участвующих в построении «мысленной ткани». Дополняются представления о мышлении как о нелинейном синтетическом процессе, разворачивающемся одновременно в разных регистрах многомерного смыслового поля сознания.

Ключевые слова: постнеклассическая психология; транспективный анализ, мышление; мысль; интуиция.

Настоящая статья продолжает задуманный нами цикл работ, в которых анализируются концептуальные истоки постнеклассической мысли, намеченные в философско-психологических трудах российских ученых-гуманитариев, опередивших и социальную, и ментальную ситуацию развития научного дискурса своего времени. Восстановление концептуальных соответствий в постнеклассическом дискурсе развивающегося психологического познания позволяет обнаружить узловые методологические проблемы, вокруг которых (и задолго до того, как они вошли в сферу научных интересов современных исследователей) начинало центрироваться научное психологическое мышление. В предыдущей работе мы обращались к концептуальному наследию А.А. Ухтомского, показав, как его идеи могут применяться в целях рефлексивно-методологической амплификации профессионального мышления современных психологов-постнеклассиков [1]. В данной работе будет представлена линия методологического анализа концептуального наследия другого выдающегося мыслителя – П.А. Флоренского, жизненный путь которого является образцом объединения научного и духовного подвижничества в целостную линию жизненного самоосуществления, вопреки тяжелым и трагическим жизненным обстоятельствам и испытаниям. В процессе аналитической реконструкции и «вписывания» идей П.А. Флоренского в эпистемологический корпус современной постнеклассической психологии (в том числе сопоставляя их с концептуальным аппаратом системной антропологической психологии) мы попытаемся «соединить» ретроспективный взгляд на процесс становления научной пси-

хологии с перспективным анализом ее движения» [2. С. 143], воплощая тем самым познавательный идеал постнеклассической методологии, предложенный основоположником транспективного анализа – В.Е. Ключко.

Неугасающая актуальность идей П.А. Флоренского во многом определяется тем, что его искания не были привязаны к духу конкретного исторического времени с соответствующими ему познавательными эталонами и ментальной конъюнктурой. Сам ученый отмечал, что «творческий акт познания влечет в будущее, дает предвосхищение будущего, пророчество» [3. С. 53]. Осуществляя такие акты, он тем самым предвосхитил и сформулировал множество идей, референтных современной постнеклассической психологии, обзору и анализу которых посвящена наша статья. По сложности и трансдисциплинарности мышления П.А. Флоренский опережал многих своих современников, что делает его ярчайшим представителем плеяды предтеч постнеклассического дискурса в российской психологической науке. «Подлинно великие из них, – по замечанию В.Е. Ключко, – были способны подниматься на эскалаторах собственного мышления так высоко, что, будучи “до нас”, они и теперь продолжают оставаться “выше нас”» [4. С. 23]. Вклад П.А. Флоренского в «перерождение научной ткани» (выражение Л.С. Выготского) психологии еще ждет своего признания и осмысления.

Явно опередила общую ментальную ситуацию развития науки в начале XX в. идея П.А. Флоренского о диалогичности и рефлексивности научного знания. Саму архитектуру научного знания он рассматривал не как обезличенную систему абстрактных понятий и конструктов, а как непрерывный синтез актов рефлексивных осмыслений, осуществляемых познающими личностями и направленных на предмет познания, который выступает в качестве «упора мысли» (метафора П.А. Флоренского). Научное знание здесь рассматривается не только как результат рефлексивно-конституирующей деятельности исследователей, но и как воплощение усложняющегося самосознания науки: «Итак, знание состоит из бесконечного ряда рефлексивных, обращающихся на себя актов, причем акты эти синтезируются, сочетаются в некое единство» [3. С. 39–40]. Сегодня научное знание рассматривается не с позиции статики господствующих в нем формаций научного мышления, а с позиции его динамики и усложнения, сопровождающихся необходимостью рефлексивной объективации логики его «собственного становления в качестве саморазвивающейся системы» [4. С. 12]. Нарастание степени рефлексивности концептосферы научного знания, взятого в его динамическом аспекте, является следствием становления рационально-рефлексивного типа сознания ученого [5], перехода к сложным и сверхсложным формам профессионального мышления [2, 4].

Особое место среди модусов познавательного отношения человека к миру, равно как и в арсенале его сущностных сил, П.А. Флоренский отводит интуиции. Включенность интуитивных переживаний в топику научного мышления является для него неоспоримым фактом. Интуиция выступает в качестве глубинного ноэтического русла мышления, в котором «фермен-

тируется» и обретает первичные феноменологические очертания человеческая мысль: «Интуиция стучится, многократно стучится, усиливаясь выйти из мрака подсознательной жизни в сознание, из субъективной тесноты в объективный мир, чтобы стать там оформляющей силой» [6. С. 622]. Она не противопоставляется рефлекслируемым формам познания, а, напротив, – является необходимым моментом научного-исследовательского поиска: «Научное творчество, пока оно еще не воплотилось, основано на интуиции, на смутном брожении мысли, таящемся весьма глубоко» [3. С. 669]. Интуиция выступает в роли нереллекслируемого «органа» наведения познавательной интенции на события и переживания, имеющие для человека особый гносеологический и экзистенциальный смысл, в ней, видимо, и берет начало подсознательное единство отражения и отношения. Впоследствии ведущие отечественные исследователи мышления – А.В. Брушлинский и О.К. Тихомиров –убедительно показали:

1) большая часть процессуальной стороны мышления формируется на интуитивном уровне: «Мышление в личностном своем аспекте осуществляется в основном, но не полностью, на уровне сознания, а мышление в процессуальном аспекте формируется преимущественно, но не полностью, на уровне бессознательного (отчасти на уровне интуиции)» [7. С. 549];

2) дорациональное чувство преднаходимости принципа решения задачи, или «чувство близости решения», играет ключевую регулирующую роль в психологической структуре мыслительной деятельности: «Состояние эмоциональной активации выступает как некоторый неспецифический сигнал “остановки”, как указание на то, “где” должно быть найдено то, что еще не найдено, оно выступает как неконкретизированное предвосхищение принципа решения (или окончательного решения)» [8. С. 93].

Метафора «смутного брожения мысли» в «тиглях» интуиции весьма точно моделирует дорефлексивный план мышления, в котором порождаются «начатки мысли» (метафора А.А. Ухтомского). Если высвободить мышление из-под власти интуиции и раскрыть его собственный провидческий потенциал, то вслед за М.К. Мамардашвили можно заключить: «Предвидение – это направленная мысль, направленная к возможному, уже допущенному самой мыслью» [9. С. 206]. Это означает, что в мышлении, помимо поиска, трансформации способа решения задачи, преобразования операциональной и ценностно-смысловой структуры ситуации мыслительной деятельности, еще и прокладываются ментальные русла для последующих познавательных интенций. Этим объясняются аффективно-мотивационное состояние захваченности предметом мышления, состояние слепопроизвольной погруженности в длежащее размышление, состояние мыслительной установки. Осуществляется ли «смутное брожение мысли» предвосхищающего характера под знаком интуиции или же под знаком особой внерефлексивной динамики самого мышления, – это уже вопрос, связанный с выбором теоретического конструкта. Сегодня, в рамках системной антропологической психологии, эти состояния приведены к обобщенному понятийному знаменателю, который получил название «эмоционально-

установочный комплекс». С этим системным психологическим новообразованием сопряжены такие качества человека, «как его “чувствительность к проблемам” и “толерантность к неопределенности”» [10. С. 15].

Неслучайно в качестве своеобразного приоритета исследования мышления П.А. Флоренский выбирает описание его первичной феноменологической данности и динамики, отказываясь тем самым от замещения живой «мысленной ткани» (метафора П.А. Флоренского) продуктами формально-логического концептирования. Видимо, ученый ясно осознавал, что судить о динамике мышления только по его формализованным и дефеноменологизированным продуктам нельзя. В полном цикле мышления его прежде всего интересовали истоки, феноменологические исходники зарождающейся мысли, ее дорациональная «пульсация», в которых ученый видел необходимые начала как художественных, так научных творений. Описывая динамику образования познавательной интенции, автор делает акцент на нарастании особого когитального состояния, которое, если воспользоваться формулой М.К. Мамардашвили, можно назвать «метафизическим томлением по смыслу»: «Образование синергетического акта познания нарастает, может быть, нарастает очень длительно, томит, как нечто начатое, но не осуществленное» [11. С. 261].

Действительно, нельзя так сразу начать размышлять, будто бы перманентно находишься в фазе формализации и вербального оформления готовых творческих идей и замыслов: «У каждой мысли есть свое время развития и созревания, и нельзя по внешним мотивам искусственно ускорить этот процесс...» [12. С. 226]. Невозможность приказать себе в сей же момент начать мыслить на пределе своих познавательных возможностей объясняется необходимостью длительной «возгонки» напряженного, плодотворного когитального состояния и работы по размещению и удержанию себя в «гравитационном поле» этого состояния. П.А. Флоренский указывает на необходимость аккумуляирования человеком мыслительных усилий, для того чтобы он имел возможность укорениться в сгущающемся смысловом поле собственного сознания. Мышление, как отмечает О.И. Генисаретский во вступительной статье к «Истории и философии искусства» П.А. Флоренского, надо рассматривать «...как попадание в определенную среду, как помещение себя в определенное поле сил и – далее – как продвижение в ней» [13. С. 43].

Поэтому центральный вопрос мышления в психологии, если его ставить в антропологическом ключе, – это не вопрос о мыслительных операциях и формально-логических средствах их амплификации, которые могут носить чисто инструментальный характер. Это вопрос об условиях и возможностях перехода от отчужденно-инструментальных способов мыследействования к синтонно-событийным, в которых все мыслительные акты и состояния получают экзистенциальную наполненность и становятся проводниками сущностных сил человека. Без возникновения, нарастания, иррадиации и деятельного разрешения того самого «метафизического томления по смыслу» (М.К. Мамардашвили) или состояния «напряженной возможно-

сти» (В.Е. Ключко) мышление превращается в выхолощенный акт отчужденного формально-логического концептирования, сборки терминологических мозаик. Этот акт, часто принимаемый за мышление и даже воспринимаемый некоторыми представителями научного сообщества в качестве эталона для конструирования «мысли», не имеет ничего общего с актом «поступающего мышления», поскольку последний не может быть произведен одним лишь калькулирующим рассудком, – необходима экзистенциальная решимость «сбыться», «осуществиться в мышлении», как любил говорить М.К. Мамардашвили, превратить его в один из модусов жизненного самоосуществления, которое в каждом акте мышледействования «обнаруживает свои сущностные характеристики и приумножает их» [14. С. 76].

Интересно и то, что описанные выше первичные познавательные интенции и интенции рассматривались автором как предмет всякой гносеологии: «...надлежит изучить возникающие водовороты мысли так, как они есть на самом деле, в их непосредственных отзвуках, в их откровенной до-научности, до-системности. Без них, без источных ключей мысли, струящихся из до-мысленных глубин, все равно не понять больших систем, как не поняли бы мы и самых себя» [11. С. 36]. Феноменология зарождающейся мысли и первичных интенций мышления продолжает оставаться, пожалуй, самой интригующей и вместе с тем полной темных пятен областью исследования в современной психологии мышления, – как в ее когнитивном, так и в экзистенциальном аспекте. В.П. Зинченко понимал эту познавательную трудность и считал главным условием ее преодоления «наличие интенции узнать, понять, увидеть нечто, стоящее за мыслью» [15. С. 76]. Появление такой интенции является, с точки зрения автора, главным признаком «подлинной мысли», отличной от мнения, ошибочно принимаемого за мысль [Там же]. Из наставлений П.А. Флоренского явственно следует, что отсчет в изучении динамики мышления необходимо вести с момента фиксации человеком феноменологических исходников мысли, ее трудно распознаваемых предвестников, пока они не оттеснены продуктами формально-логической рассудочности. Впоследствии продуктивность смысловой теории мышления, разрабатываемой О.К. Тихомировым и его учениками, была предопределена тем, что значительная часть поисковых экспериментов, проводимых в ее русле, сосредоточилась на раскрытии механизмов инициации мыслительной деятельности [8].

П.А. Флоренский настаивает на том, что мысль берет начало в дорациональных руслах смыслообразования, неподотчетных формальной объективации. Неслучайно он находит для описания феноменологии зарождающейся мысли такие метафоры, как «водовороты мысли», «источные ключи мысли», «ферменты знания», «брожение мысли», «пульсация мысли». Помимо того, что в них заключена особая эстетика и сила поэтического образа, они очень точно отображают первичную динамику мыслеобразования, обычно ускользающую от формализации, – динамику, которая не вписывается в какие бы то ни было формально-логические трафареты. Стадия дооперационального интуитивного синтеза, таким образом, – это отнюдь не

пережиток инфантильного мышления, а необходимый и, возможно, решающий момент во всей динамике мышления. Можно предположить, что и личность исследователя более полно обнаруживает свою ментальную самобытность, свой уникальный модус познавательного отношения к миру и к себе на уровне первичных феноменологических сгущений неформализованной и необъективированной (неозначенной) «мысленной ткани» (метафора П.А. Флоренского). М.К. Мамардашвили наделял эту стадию мышления особым экзистенциальным смыслом: «Лишь находясь в состоянии невыразимой мысли, мы оказываемся в состоянии страсти доказательства миру своего существования» [16. С. 37]. По словам Н.А. Бердяева, в его индивидуальном опыте мышления она играла решающую роль. Более того, автор признавался, что его собственные мыслительные акты никогда не вписывались в привычную для его современников описательную канву: «Во мне нет того, что называют обдумыванием, дискурсивным, выводным мышлением, нет систематической, логической связи мысли... Наиболее важные для меня мысли приходят ко мне голову, как блеск молнии, как лучи внутреннего света» [17. С. 296–297].

П.А. Флоренский не был сторонником скорой объективации мысли в слове, заключения ее в «оправу» формально-логической дефиниции. В подобном опережении естественного хода мыслительной динамики он усматривает ограничивающий эффект, проявляющийся в угасании диалектической плодотворности выведенной таким способом мысли: «Определить – это значит лишить мысль свободы двигаться так, как это может оказаться нужным в течение исследования, и искусственно заключить ее в границы. Но диалектика, как мысль нарастающая, в том-то и заключается, что она движется к все более и более ценным достижениям, восходя по лестнице постижения, так что постепенным уплотнением мысли намечаются естественные пределы реальности» [3. С. 138]. Мысль должна «вызреть», уплотниться, прежде чем появится ее терминологическая манифестация. Искусственное форсирование этих процессов приводит к вербализму, замещающему мышление как таковое. Мысль, лишенная подобного «нарастания» и «уплотнения», выхолащивается до состояния умственного симулякра. М.К. Мамардашвили усматривал в вербальном редукционизме причину вульгаризации проблемы мышления, когда оно сводится «к чисто вербальным операциям» [9. С. 260].

Прорывной для своего времени была идея о нелинейности мышления, согласно которой ментальное поле имеет сложное, сетевое строение, в нем нет конечных точек завершенной, остановившейся мысли. Каждая мысль связана с определенными тематическими «узлами», которые резонируют между собой и очерчивают тем самым многомерное поле актуальной и потенциальной ментальности, или, другими словами, – многомерное пространство мышления: «Строение такой мысленной ткани – не линейное, не цепью, а сетчатое, с бесчисленными узлами отдельных мыслей попарно, так что из любой исходной точки этой сети, совершив тот или иной круговой обход и захватив на пути любую комбинацию из числа прочих мыслей,

притом в любой или почти любой последовательности, мы возвращаемся к ней же» [11. С. 34]. В таком описании мысленной ткани преодолевается иллюзия дискретности мыслительных актов, осуществляющихся будто бы внутри замкнутых секторов ментального опыта человека, искусственно выведенного за границы временной транспективы собственного мышления. М.К. Мамардашвили сделал вполне резонное замечание в одном из своих интервью: «В действительности же акт мысли совершается в поле глобальных “связностей” сознания» [9. С. 260]. В «Беседах о мышлении» он делал похожий концептуальный штрих к построению онтологической картины мышления: «Так вот, жизнь нашего сознания представляет собой целое, связанное изнутри некими соответствиями или корреспонденциями... и все наши мысли, если они у нас есть, существуют в некотором поле» [18. С. 370]. Далее он подчеркивает: «Мысли, рождаясь, корреспондируют, перекликаются» [Там же. С. 371]. В каждой актуальной мысли в концентрированном виде содержатся смысловые следы предшествующих актов мышления и «завязи преднаходимого смысла», который потенциально может опредметиться в потенциальных актах мышления при условии продуктивного удержания себя в «поле глобальных “связностей” сознания». Для достижения подобного «когитального состояния» человеку необходимо выходить за рамки внешней, ситуативной обусловленности мышления, реализовывать в нем наиболее генерализованные формы смысловых образований, иначе говоря, иметь смелость и уметь задаваться вопросами: «Кто я, окликнутый и влекомый этой возможностью мыслить?»; «Кто я временно-щий эту мысль?» Мысль, если воспользоваться формулой М.К. Мамардашвили, «идет по руслу жизненного смысла» [Там же].

В концепции П.А. Флоренского мышление предстает еще и как синтетический акт, разворачивающийся одновременно на разных регистрах многомерного смыслового поля сознания, в силу чего поисковая активность человека может принимать формы творческого наития, интуитивного озарения, эмоционального отклика, чувства преднаходимости решения. Причем это поле резонирующих друг с другом тематических узлов мышления не отделено от реальных жизненных отношений мыслящего человека, от его жизненного пространства, оно сообщается с ними как с необходимой «питательной средой», в силу чего, по всей видимости, и возникает сопряженность пространств мышления и существования: «Как шум отдаленного прибора, звучит автору его ритмическое единство» [11. С. 37]. Долгоиграющие темы и предметы мышления занимают автора длительное время. Они то уходят на периферию ментального опыта, то снова возвращаются в его фокус, «...каждый раз усиливаясь и обогащаясь, каждый раз наполняясь по-новому содержанием и соком жизни» [Там же]. Если попытаться развить это высказывание, то можно предположить, что множество резонирующих феноменологических проекций «ритмики мысли» порождает особое системное состояние ментальной «синархии» (термин П.А. Флоренского), подчиняющее себе и сонастраивающее все эквиваленты мысли, их синтетические узлы, возникшие в том или ином регистре жизненного

мира человека, включая темпоральные регистры. К каждому актуальному эпизоду мышления, если брать во внимание его исторический контекст, стягиваются прошлые и потенциальные референты мысли, проявляющейся в этом актуальном эпизоде. С позиции современной концепции трансемпоральной психологии можно сделать предположение, что существуют темпоральные узлы мышления, в которых происходит интерференция прошлых, настоящих и потенциальных актов мышления, а «решающее значение принадлежит их одновременности, согласованности» [10. С. 16]. Тот факт, что человек творит и мыслит «в полноте времен» (метафора О.В. Лукьянова), видимо, интуитивно схватывался и П.А. Флоренским. Так, время для созидającego и мыслящего человека, не поглощенного житейским сознанием, становится, со слов автора, «“точкою полноты”, вобравшею в себя все время» [19. С. 218]. Активное напряженное сознание, равно как и мышление, согласно автору, работает над «уплотнением пространства и времени» [Там же. С. 215], в силу чего разворачиваются «внутреннее многообразие и ритм личности» [Там же. С. 217]. Помимо этого, напрашивается еще одно предположение: в ментальном опыте человека существуют некие долгоиграющие доминанты, которые участвуют в тематизации проблемного поля мышления, предопределяют восприимчивость человека к определенным проблемным вопросам, объединяют все его познавательные интенции в общее русло ментальной направленности.

П.А. Флоренский был твердо уверен в том, что мысль как таковая, в ее живом движении и воплощении, всегда соотносима с мыслящей личностью и ее способностью к свободному, «поступающему мышлению». В структуре научного знания ключевое место он отводил знанию личностному, сопряженному с познавательными интенциями и переживаниями субъекта познания. Его невозможно элиминировать из концептуального аппарата науки, так чтобы остались одни метасубъективные конструкты, объясняющие познаваемую реальность. В противном случае наука превратится в «беспредельное и бесцельное накопление отдельных признаков, в пучине которых теряется разум» [11. С. 265]. Сравнительно недавно В.С. Швырев подчеркнул: «Всякий живой опыт, всякая живая человеческая деятельность, как бы рационализированы и технологизированы они ни были, с необходимостью предполагают этот нередуцируемый по отношению к любой объективации момент личностного духовно-душевного усилия...» [5. С. 149]. П.А. Флоренский усматривал в этом обстоятельстве спасительную для науки тенденцию, так как был абсолютно уверен, что наука – это, прежде всего, воплощение «человеческих замыслов», а уже потом – система объективированных конструктов: «Истинно человеческое есть и в науке. Незаметно для творцов ее переливается оно и в научные схемы их трудов. К счастью и чести человечества, научные произведения далеко не столь научны и потому не столь нечеловечны и безличны, как о них свойственно думать широкой публике их современности. За свежей штукатуркой и лоснящейся краской самоновейших научных схем все-таки стоит воплощение человеческих замыслов» [11. С. 143]. Чем не постулат

неустранимости личности исследователя из актов познания, причем сформулированный задолго до того, как М. Полани была предложена концепция личностного знания!

Таким образом, психодинамика мышления сопряжена с динамикой внутриличностной, затрагивающей глубинные ноэтические основания личностного способа бытия познающего индивидуума. Эта сопряженность обнаруживается и в ритмике, и в топике нарастающей мысли, которой будто бы неведомы рамки привычной для многих субъект-объектной дихотомии: «Несомненно, что конкретная мысль есть личная мысль, мысль не “вообще”, вне субъекта своего притязаящая существовать, но мысль, характерно соотносящая данный объект с данным же субъектом. Мышление есть непрерывный синтез познаваемого с познающим и, следовательно, глубоко и насквозь пронизано энергиями познающей личности» [3. С. 140]. П.А. Флоренский волне убедительно и очень изящно снимает противопоставление субъекта и объекта познания на примере познавательной ситуации словообразования, отказываясь тем самым от бинарной логики еще задолго до того, как она стала доминировать в научном мышлении. Он полагает, что «...две энергии, реальности и познающего, близки друг к другу, может быть, размешаны друг в друге...» [11. С. 261], образуя «синергетический акт познания», который «есть со-ритмическое биение духа, откликающееся на ритм познаваемого» [Там же. С. 39]. Вместе с тем ученый не ограничивается идеей буквального, физического взаимопроникновения энергий субъекта и объекта познания, так как этого недостаточно для объяснения синергетического эффекта, достигаемого на уровне словообразования, – возникновения системно-диалектического единства слова, употребляемого познающим, именуемой этим словом реальности и самого познающего, так что суждение о реальности всегда включает в себя момент «самообнаружения познающего», а суждение о себе, помимо того что «оно раскрывает познающего», еще и «являет познаваемую реальность» [Там же. С. 267].

Сложную систему связей человека с миром П.А. Флоренский раскрывает через категорию «воплощение». Воплощение рассматривается как базовый атрибут созидательного модуса бытия человека в мире и понимается как осуществление возможностей распремечивания (осмысления) культуры и опредмечивания (означивания) жизненного мира: «Воплощение есть... осуществление своих возможностей в мире, принятие мира в себя и оформление собою материи» [12. С. 325–326]. В принципе воплощения угадываются неразрывное единство процессов интериоризации и экстериоризации, обоюдонаправленность интенций жизненного самоосуществления человека. В акте воплощения обнаруживаются два «полярно-сопряженных момента» (выражение П.А. Флоренского), которые сегодня принято рассматривать в качестве узловых актов рефлексивного слоя сознания, получившего описание в работе В.П. Зинченко спустя почти полвека [20]: «В нем соединяется практическая сторона, – воплощение разумом своих замыслов, – с теоретической стороной – осмысливанием деятельности» [21. С. 56]. В конечном

итоге само знание как результат воплощенного мышления, не может быть выведено за рамки жизненных отношений человека: «Между тем всякое знание должно быть не самодовлеющим комом в душе, а лишь вспомогательной линией нашего жизненного отношения к миру, нашей связи с миром» [12. С. 326]. Знание, взятое в предельно антропологическом контексте, если перефразировать известную мысль П.Я. Гальперина, является ориентировочной основой для построения человеком жизненного отношения к миру, иначе оно становится предметом формализованной ревизии и меркнет.

В.Е. Ключко уповал на то, что области перекрытия типов научной рациональности войдут в предметное поле истории психологии в качестве важнейших предметов методологического анализа: «История психологии рано или поздно научится выделять места, в которых “здесь и сейчас” идет достаточно мучительный процесс “перерождения научной ткани”, где напряжен нерв науки, где объективная тенденция науки реализует себя. Иными словами, анализировать не то, что стало, что лежит в пределах весьма условной границы психологического знания, а то, что происходит на границе, где нарождается, становится новое знание» [22. С. 18]. Я решусь добавить, что в истории становления психологической науки есть «вечно длящиеся акты» (М.К. Мамардашвили), долгоиграющие темы и «бродячие проблемы» (по аналогии с «бродячими» драматургическими сюжетами), которые так или иначе попадали в «силовое поле» мышления отдельных ученых, когитальные акты которых были устремлены в будущее, а их когитальная идентичность складывалась поверх и вопреки ментальной ситуации времени. Превращая познание в особый «бытийно-личностный эксперимент», они, фактически находясь в контексте своего исторического времени, обретали способность мыслить на границе рождения нового знания, – потому их по праву можно считать предтечами постнеклассического мышления. П.А. Флоренский, безусловно, обладал такой способностью и, плодотворно реализуя ее в своих работах, оставил для грядущей постнеклассической психологии россыпи плодотворных идей. Идеи эти только сейчас начинают получать должное осмысление и попадать в фокус транспективного анализа.

Литература

1. Нелюбин Н.И., Предтечи постнеклассического мышления в российской психологии: А.А. Ухтомский // Сибирский психологический журнал. 2019. № 73. С. 6–16. DOI: 10.17223/17267080/73/1.
2. Klochko V.E., Galajinsky E.V., Krasnoryadtseva O.M., Lukyanov O.V. Modern psychology: system anthropological approach // European Journal of Psychological Studies. 2014. № 4 (4). P. 142–155.
3. Флоренский П.А. Сочинения : в 4 т. / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачева. М. : Мысль, 1996. Т. 2. 877 с.
4. Ключко В.Е., Краснорядцева О.М. Развитие многомерного профессионального мышления преподавателей исследовательского университета. Томск : Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2016. 196 с.

5. Швырев В.С., Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 176 с.
6. Флоренский П.А., Сочинения : в 4 т. / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой. М. : Мысль, 1998. Т. 4: Письма с Дальнего Востока и Соловков. 795 с.
7. Брушлинский А.В. Избранные психологические труды / ред.-сост.: Т.К. Мелешко-Брушлинская, В.В. Знаков. М. : Ин-т психологии РАН, 2006. 623 с.
8. Тихомиров О.К. Психология мышления. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 272 с.
9. Мамардашвили М.К., Сознание и цивилизация : выступления и доклады. СПб. : Лен-издат : Команда А, 2014. 384 с.
10. Ключко В.Е., Галажинский Э.В., Краснорядцева О.М., Лукьянов О.В. Системная антропологическая психология: понятийный аппарат // Сибирский психологический журнал. 2015. № 56. С. 9–20. DOI: 10.17223/17267080/56/2.
11. Флоренский П.А. Сочинения : в 4 т. / сост. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой; ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев). М. : Мысль, 2000. Т. 3 (1): У водоразделов мысли. 621 с.
12. Флоренский П. Все думы – о вас : письма семье из лагерей и тюрем 1933–1937 гг. / сост. и общ. ред. П.В. Флоренский, Н.А. Живолуп. СПб. : Сатисъ-Держава, 2004. 548 с.
13. Генисаретский О.И. Пространственность в иконологии и эстетике священника Павла Флоренского // Флоренский П.А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / сост. и ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева). М. : Мысль, 2000. С. 9–46.
14. Логинова И.О. Концептуальные основания теории жизненного самоосуществления человека: продолжение идей системной антропологической психологии // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2017. № 2 (31). С. 73–77.
15. Зинченко В.П., Наука о мышлении (часть 1) // Психологическая наука и образование. 2002. Т. 7, № 1. С. 5–18.
16. Мамардашвили М.К., Эстетика мышления. М. : Моск. школа полит. исслед., 2000. 416 с.
17. Бердяев Н.А. Самопознание. М. : АСТ, 2017. 480 с.
18. Мамардашвили М.К. Беседы о мышлении. СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2019. 576 с.
19. Флоренский П.А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / сост. и ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева). М. : Мысль, 2000. 446 с.
20. Зинченко В.П., Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15–36.
21. Флоренский П.А. Собрание сочинений. Философия культа (опыт православной антропологии) / сост. и ред. игумена Андроника (Трубачева). М. : Мысль, 2004. 685 с.
22. Ключко В.Е. Закономерности движения психологического познания и проблема метода науки // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 1. С. 5–19.

Поступила в редакцию 07.02.2020 г.; принята 02.05.2020 г.

Нелюбин Николай Иванович – кандидат психологических наук, доцент кафедры практической психологии Омского государственного педагогического университета.
E-mail: nelubin2001@yandex.ru

For citation: Nelyubin, N.I. Forerunners of Post-Non-Classical Thinking in Russian Psychology: P.A. Florensky. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2020; 76: 6–19. doi: 10.17223/17267080/76/1. In Russian. English Summary

Forerunners of Post-Non-Classical Thinking in Russian Psychology: P.A. Florensky

N.I. Nelyubin^a

^a *Omsk State Pedagogical University, 14, Naberezhnaya Tukhachevskogo, Omsk, 644099, Russian Federation*

Abstract

The article analyzes the conceptual origins of post-non-classical thinking in Russian psychology. As a subject of understanding, the ideas of P.A. Florensky, the appeal to which allows, from the author's point of view, to enrich significantly the conceptual sphere of systemic anthropological psychology and restore conceptual correspondences in post-non-classical discourse of developing psychological knowledge.

The studied concept of P.A. Florensky is devoted to the inclusion of intuitive experiences in the topic of scientific and artistic thinking. Intuition acts as an unaccountable for the reflection "organ" of the guidance of cognitive intent on events and experiences that have a special epistemological and existential meaning for a person.

The article discusses the contribution of P.A. Florensky to comprehension the primary dynamics of thinking and the search for the phenomenological sources of nascent thought, its pre-rational "pulsation", which the author considered as an object of epistemology. The descriptive potential and heuristic nature of the metaphors used by scientists to comprehend the phenomenology of thinking that eludes the terminological objectification are emphasized: "mental tissue", "whirlpools of thought", "source keys of thought", "enzymes of knowledge", "fermentation of thought", "pulsation of thought".

The scientist's ideas about thinking as a nonlinear synthetic process unfolding simultaneously in different registers of a multidimensional semantic field of consciousness are analyzed. Developing these ideas, the author of the article suggests that many resonating phenomenological projections of "pulsating thoughts" give rise to a special systemic state of mental "synarchy", which acts as an organizing principle for attuning all the equivalents of thought, their synthetic nodes, arising in a particular register of the human life, including temporal registers.

The fundamental idea of P.A. Florensky on the inevitability of a knowing person from acts of knowledge is expounded. The development of this idea allows us to understand that the field of thematic nodes of thought resonating with each other is not separated from the real life relations of the thinking person, from his living space. In addition, it is noted that the psychodynamics of thinking is always associated with intrapersonal dynamics, affecting the rather deep noetic foundations of the personal way of being a cognizing person. It is emphasized that in thinking, taken in its temporal aspect, in addition to searching, transforming the method of solving the problem, transforming the operational and value-semantic structure of the situation of mental activity, "mental channels" are also laid for subsequent cognitive intentions that determine a person's sensitivity to meaning-bearing gnostic events.

We also give an example of convincing overcoming the binary logic by P.A. Florensky in deciding on the interaction of the knowing and the knowable. He substantiates the idea of a "synergistic act of cognition" in which the interpenetration of the energies of reality and man takes place.

Keywords: post-non-classical psychology; transpective analysis, thinking; thought; intuition.

References

1. Nelyubin, N.I. (2019) Forerunners of Post-Non-Classical Thinking in Russian Psychology: A.A. Ukhtomsky. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 73. pp. 6–16. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/73/1

2. Klochko, V.E., Galajinsky, E.V., Krasnoryadtseva, O.M. & Lukyanov, O.V. (2014) Modern psychology: system anthropological approach. *European Journal of Psychological Studies*. 4(4). pp. 142–155.
3. Florensky, P.A. (1996) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
4. Klochko, V.E. & Krasnoryadtseva, O.M. (2016) *Razvitie mnogomernogo professional'nogo myshleniya prepodavateley issledovatel'skogo universiteta* [The development of multidimensional professional thinking in educators of a research university]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Shvyrev, V.S. (2003) *Ratsional'nost' kak tsennost' kul'tury. Traditsiya i sovremennost'* [Rationality as a cultural value. Tradition and modernity]. Moscow: Progress-Traditsiya.
6. Florensky, P.A. (1998) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Mysl'.
7. Brushlinsky, A.V. (2006) *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected Works on Psychology]. Moscow: RAS.
8. Tikhomirov, O.K. (1984) *Psikhologiya myshleniya* [Psychology of Thinking]. Moscow: Moscow State University.
9. Mamardashvili, M.K. (2014) *Soznanie i tsivilizatsiya* [Consciousness and Civilization]. St. Petersburg: Komanda A.
10. Klochko, V.E., Galajinsky, E.V., Krasnoryadtseva, O.M. & Lukyanov, O.V. (2015) System anthropological psychology: framework of categories. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 56. pp. 9–20. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/56/2
11. Florensky, P.A. (2000) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 3(1). Moscow: Mysl'.
12. Florensky, P. A. (2004) *Vse dumy – o vas: pis'ma sem'e iz lagerey i tyurem 1933–1937 gg.* [All thoughts are about you: letters to the family from the camps and prisons of 1933–1937]. St. Petersburg: Satis"-Derzhava.
13. Genisaretsky, O.I. (2000) Prostranstvennost' v ikonologii i estetike svyashchennika Pavla Florenskogo [Spatiality in Pavel Florensky's iconology and aesthetics]. In: Florensky, P.A. *Stat'i i issledovaniya po istorii i filosofii iskusstva i arkhologii* [Articles and research on the history and philosophy of art and archeology]. Moscow: Mysl'. pp. 9–46.
14. Loginova, I.O. (2017) Kontseptual'nye osnovaniya teorii zhiznennogo samoosushchestvleniya cheloveka: prodolzhenie idey sistemnoy antropologicheskoy psikhologii [Conceptual foundations of human self-fulfillment theory: further ideas of systemic anthropological psychology]. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2(31). pp. 73–77.
15. Zinchenko, V.P. (2002) Nauka o myshlenii (chast' 1) [Science about thinking (Part 1)]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie – Psychological Science and Education*. 7(1). pp. 5–18.
16. Mamardashvili, M.K. (2000) *Estetika myshleniya* [Aesthetics of Thinking]. Moscow: Mosk. shkola polit. issled.
17. Berdyaev, N.A. (2017) *Samopoznanie* [Self-knowledge]. Moscow: AST.
18. Mamardashvili, M.K. (2019) *Besedy o myshlenii* [Conversations about Thinking]. St. Petersburg: Azbuka: Azbuka-Attikus.
19. Florensky, P.A. *Stat'i i issledovaniya po istorii i filosofii iskusstva i arkhologii* [Articles and research on the history and philosophy of art and archeology]. Moscow: Mysl'.
20. Zinchenko, V.P. (1991) Miry soznaniya i struktura soznaniya [Worlds of consciousness and the structure of consciousness]. *Voprosy psikhologii*. 2. pp. 15–36.
21. Florensky, P.A. (2004) *Sobranie sochineniy. Filosofiya kul'ta (opyt pravoslavnoy antropoditsei)* [Collected Works. The Philosophy of Cult (Orthodox anthropodicy)]. Moscow: Mysl'.
22. Klochko, V.E. (2007) The Logic of the Development of Psychological Knowledge and the Problem of the Method of Science. *Metodologiya i istoriya psikhologii – Methodology and History of Psychology*. 2(1). pp. 5–19. (In Russian).

Received 02.02.2020; Accepted 02.05.2020

Nikolay I. Nelyubin – Associate Professor, Department of Practical Psychology, Omsk State Pedagogical University, Cand. Sc. (Psychol.).
E-mail: nelubin2001@yandex.ru